

ИЛЬЯ ПЕТРОВ

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС НА ЭЛЬДОРАДО

Илья Петров

Последний рейс на Эльдorado

<https://litres.ru/73957068>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 2129 году ИскИн Тотального Контроля знает о вас больше, чем покойная мама. Но воровать люди так и не перестали.

Лёша-Калькулятор и Фима-Станиславский сорвали куш: обчистили фонд корпорации на сорок миллиардов кредитов. План был идеален: крио-капсула и билет в один конец до райской планеты Глизе-8. Но вместо океана они очнулись с кирками в руках на урановом руднике X-419. На астероиде, где долги отдают кровью, а в соседнем забое ждет палач из прошлой жизни.

Пережить шахту и сбежать в свинцовом ящике из-под руды — лишь половина беды. Главная усмешка Галактики поджидает их на ржавой пиратской станции «Грыжа». Когда за ваши головы назначена награда в пятьдесят миллионов, единственным, кто предложит укрытие на роскошной яхте, может оказаться тот самый олигарх, чьи миллиарды вы украли.

«Последний рейс до Эльдorado» — это жесткая, кинематографичная и горько-ироничная фантастика о том, что счет всегда находит должника, а Эльдorado — лишь место, куда не доходит ни один рейс.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	14
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Илья Петров

Последний рейс на Эльдорадо

Глава первая

В которой пирожки с осетром оказываются последними в жизни

В две тысячи сто двадцать девятом году, при Великом и Ужасном Тотальном Контроле, преступность в обитаемой Галактике, как объявили нейровизоры, окончательно и бесповоротно побеждена. Искусственный Разум восьмидесятого уровня знал о вас больше, чем покойная мама. Счётчик пульса каждого передавался в налоговую ежеминутно, и любое отклонение немедленно фиксировалось в досье.

Это была официальная версия.

Воровать, между тем, не перестали. Человечество переоборудовало Марс под жильё, посадило оранжереи на спутниках Сатурна и зачем-то учредило в туманности Андромеды исследовательский филиал, — а отучить себя от тихой радости пощупать чужой карман так и не сумело. Вопрос всегда был один: насколько быстро за тобой придут.

К Лёше и Фиме должны были прийти через сорок восемь

минут.

Они этого не знали.

Конспиративная хата находилась на сто сорок восьмом уровне сектора Ж. По утрам здесь несло сыростью из подземных коллекторов, ржавчиной из вентиляции и сладковатыми химикатами — их распыляли городские службы, чтобы убедить жителей: они дышат не выбросом завода по переработке углекислоты с шестьсот первого уровня, а чем-то более похожим на воздух.

У соседки сверху, тётки Зины со вторым разрядом по сборке нейроплат, негромко орал транслятор — третий час подряд один и тот же канал гнал «уютные новости утра», ведущий сообщал про новую цену на синтетический сыр и программу «Здоровая улыбка пенсионера». Внизу, этажей через пять, плакал ребёнок — давно и без интонации, как плачут не от боли, а по привычке. По коридору раз в десять минут проходил дрон-уборщик, нудно гудел и пропускал одно место у двадцать четвёртой квартиры. Месяц назад там опрокинулась чашка кофе, и обстоятельства её пролития до сих пор не давали покоя самому дрону.

Лёша по прозвищу Калькулятор сидел в кресле, поджав под себя одну босую ногу. На голограмме перед ним плясали чужие цифры. Они перетекали с одного счёта в Центробанке на другой счёт-однодневку, и четверть секунды жизни ему было отмерено, после чего он распылялся в офшорной туманности Цереры. ИскИн налоговой получал при этом уве-

домление, что транзакция аннулирована из-за технического сбоя в подсистеме. Устроил его Лёша лично — одной строчкой кода и трёхлетним знакомством с младшим инженером протокольного отдела. Инженер, между прочим, до сих пор не подозревал, что эта дружба кому-то пригодилась.

На столе рядом лежала старая, ещё с пластиковыми углами, фотография, повёрнутая рисунком вниз, — мальчик лет шести, серьёзный, в зимней шапке, держит за руку женщину — на снимке видны только её рукав пальто и пальцы. Лёша на неё не смотрел, но и не убирал. Так она и лежала три года, с тех пор как хата была обустроена.

За окном жил вечный сумеречный день Нью-Москвы. Снизу, через десяток уровней, тянул мерный гул монорельс, сверху, на крыше диспетчерской башни, мигал, как сонный глаз, ночной маяк, а между этими двумя точками висел смог, плотный, как студень. В нём тонули рекламные миражи — гигантская улыбка девицы из аптеки, обещавшей вечную молодость за умеренные деньги, проступала из марева так, словно сама девица тонула и просила о помощи. Лёша туда не смотрел. Цифры были его религией.

Любой увидел бы только набор знаков, Лёша видел потоки — тёплые, нервные, нагретые чужой жадностью. Он чувствовал у цифры слабинку в коленях, готовность упасть в другую графу. Он чувствовал в стенке графы пробитое место и тихий путь сквозь него. В кибернетических кругах его называли финансовым сапёром, а чаще — Калькулятором. И то

и другое было неточно: на самом деле он был садовником в чужом саду. Ходил тихо, рвал аккуратно, и после него на земле не оставалось следа.

Но не сегодня.

Дверь, шипя стёртой пневматикой, медленно ушла в стенку и впустила Фиму.

Фима — это, во-первых, имя. Во-вторых — состояние организма. В-третьих — целое искусство: в приличном обществе его называют обаянием, а в кругах попроще, давших ему погоняло Станиславский, — работой. В помятом плаще, годном одновременно ушедшему в отставку оперному баритону и обедневшему астрологу, он втащил за собой влажный запах нижних коридоров — ил, ржавчину, дым от ларька в седьмом проходе — и водрузил на стол бумажный пакет, мокрый снизу. В пакете что-то пахло жареной рыбой.

— Лёшенька, в четвёртом проходе опять патруль, — сказал Фима, отряхивая плащ. — Стоят двое, проверяют запястья у всех, кто моложе сорока. На рынке у Сюй-Линь снова дешёвый осётр — третий день. Я тебе принёс. Ещё там болтают, что у фонда «Альфа Центавры» сегодня к вечеру будет интересно. Не у нашего, у официального. Соседка снизу спрашивала, не ты ли таскал её кофе через вентиляцию. Я сказал, что ты в принципе не пьёшь кофе. Ты не пьёшь кофе?

Лёша медленно опустил руки на стол.

— Не пью. Сядь, Фима. Посмотри сюда.

Перед ним счёт фонда «Помощь сиротам системы Альфа

Центавра» переливался цветом редкого оттенка — в учебниках бухгалтерии его называют «арестно-красным». Цвет был не сразу красный, а скорее пульсирующий — так пульсирует мизинец, когда дверь захлопывается на нём не вовремя. Вначале ещё надеешься, что обойдётся.

Фима тихо сел в кресло, не сняв плаща.

— Красивый, — сказал он осторожно. — Очень модный в этом сезоне. Я видел такой плащ у одной дамы в седьмом проходе. Лёша, что это означает?

— Это означает реакцию на твою интуицию. Помнишь, ты сказал, когда ставил последний ноль перед запятой? «Лёшенька, чуть-чуть больше — это ведь чуть-чуть больше».

— И я был прав, — Фима выпрямился, и помятый плащ принял на минуту достоинство мантии. — Чуть-чуть больше всегда лучше чуть-чуть меньше. Это математика. Не я её придумал.

— Математика для оптовых рынков. В международных финансах сорок миллионов кредитов — статистическая погрешность, ИскИн налоговой даже виртуальным веком не моргнёт. Сорок миллиардов — дыра в макроэкономике сектора. В эту дыру утром придёт сначала аудит Центробанка, потом служба внутренней безопасности фонда, а после них пожалует корпоративная разведка. Фонд держит «Старлайт-Капитал», а у «Старлайт-Капитала» аудит работает быстрее налоговой и душевнее тётки.

Фима смотрел на красные цифры так, как смотрят на но-

вость о том, что плащ на тебе краденый, а прежний владелец имеет вопросы.

— «Старлайт-Капитал»? — переспросил он.

Фима тихо выругался — впервые за это утро. В их с Лёшей жизни фамилия Костыль до сих пор означала только одно: не пересекаться.

— Лёшенька. А если мы им всё вернём? И напишем письмо, что это была системная ошибка?

— Вернём. В виде наших с тобой почек, печени и роговицы. Корпорация в таких случаях не штрафует — она разбирает должника на запчасти и выставляет результат на медицинскую биржу. На бирже неплохие цены на здоровых мужчин среднего возраста, я как-то по работе сводил баланс одной такой клиники.

Далеко, за смогом, заскулила сирена. Сначала на северном куполе, у диспетчерской башни. Через двенадцать секунд — Лёша считал — откликнулась со стороны южного.

У тётки Зины сверху транслятор резко выключили. В коридоре кто-то торопливо протопал к лифту. Через стенку, у двадцать четвёртой квартиры, прекратил гудеть дрон-уборщик — застыл, словно решая, что ему теперь делать с пятном кофе. Башня сектора Ж знала эти сирены не первый год и каждый раз притворялась, что её здесь нет.

Два полицейских перехватчика, похожие на бронированных ос, выскользнули из марева и пошли над сектором низко, на тихой тяге. Прожекторы сканеров мели по фасадам

соседних башен методично, не пропуская ни тёмного окна. В одном из перехватчиков, как Лёша знал из прежних дел, сидел не пилот, а оператор. Оператор смотрел в шестнадцать экранов, слушал четыре канала и в эту минуту явно скучал больше, чем им двоим было страшно.

Фима снял с пакета влажную салфетку, заглянул внутрь, вздохнул и накрыл обратно.

— Это, между прочим, последние пирожки с осетром в моей жизни, — сказал он голосом, каким нотариусы зачитывают завещания нелюбимым внукам. — Туда, куда мы сейчас направимся, осетров не водят. Я уже навёл справки.

— Ты уже знаешь, куда мы направимся?

— Лёшенька, я тебя знаю двадцать лет. У тебя на лице написано «из системы» — крупными буквами, как у заведующего овощным гастрономом в восьмидесятые годы двадцатого века было написано «излишков нет». Так что отвечай — я себя уже готовлю.

Лёша впервые за утро коротко усмехнулся — одним углом рта, на четверть секунды.

— Из системы.

— Спасибо, что не заставил угадывать. И с одним посредником — ты бы в трезвом виде к нему и на десять метров не подошёл.

— Откуда знаешь?

— А кто ещё нас отсюда вытащит — Папа Римский?

Они стояли у окна. Перехватчик прошёл совсем близко

— в стекле затряслось их отражение: два человека среднего роста, средних лет и средней привлекательности, и между ними, как невидимый ребёнок, висело обстоятельство в сорок миллиардов кредитов.

— Лёшенька, на Марс нам пути нет?

— С Марса выдают за два дня.

— На Венеру?

— С Венеры — за четыре. С выкупом на торгах.

— На спутниках Юпитера, говорят, климат...

— Фима. На спутниках Юпитера работают те самые корпорации — у них ты только что одолжил без отдачи и без расписки. Климат там тоже их.

Фима помолчал. Перехватчик ушёл за угол, унося с собой круглый безразличный прожектор. У тётки Зины осторожно включили транслятор обратно — на том же канале, тот же ведущий тем же голосом рассказывал теперь про повышение цены на синтетическое масло.

— И когда мы это сделаем?

— Сейчас.

Лёша снял с полки крипто-капсулу размером с ноготь — там лежали последние их с Фимой двадцать миллионов кредитов, всё, что осталось после трёхлетней работы, всё, во что им теперь предстояло поверить как в Бога, — и хлопнул ладонью по сенсору. Красные цифры, ставшие за последние полчаса роднее любого члена семьи, погасли.

Он постоял ещё секунду у стола. Потом аккуратно, не гля-

дя, перевернул фотографию рисунком вверх и поставил её к стене — чтобы тот, кто придёт сюда первым после них, увидел: здесь жил человек.

Фима это заметил, но ничего не сказал. Только взял с вешалки свой ужасный плащ и обнял его, как старого больного родственника.

В шестом проходе сухо щёлкнул дрон-сканер. Звук был такой, какой бывает, когда садовые ножницы захлопываются на слишком толстом стебле розы.

— Пошли, Станиславский.

Фима пропустил его вперёд — не из вежливости. В коридоре сектора Ж первым идёт тот, кто умеет считать. За углом может стоять не только дрон, но и, например, человек, и тогда хорошо бы заранее знать, во что обойдётся встреча.

В лифте, кроме них, спускались девочка-подросток с раскрытым в одной руке нейровизором и пожилой мужчина с тележкой — на ней стояло три ящика синтетического молока. Девочка смотрела в экран, мужчина — в стенку. Никто ни на кого не поднимал глаз. Так в Нью-Москве едут вниз все, кому есть, куда.

Сектор Ж переходил вниз в старые, ещё двадцать первого века, затопленные тоннели метрополитена. Никаких ИскИнов там не работало — городу проще было сделать вид, что этих уровней не существует, чем тащить туда кабели. Тоннели пахли застоявшейся водой, прогорклым машинным маслом и человеческим жильём без вентиляции. Старые пи-

сатели называли эту смесь запахом нищеты. Нынешние нейровизорные дикторы предпочитают её не называть никак — в галактической конституции такого слова нет.

У входа в первый тоннель, на ржавом ящике из-под чего-то некогда промышленного, сидел мальчишка лет одиннадцати, с обритой наполовину головой и в куртке на два размера больше. На ладони у него лежали круглые металлические жетоны, и он медленно считал их, шевеля при этом губами. Когда Лёша и Фима прошли мимо, он поднял голову, скользнул по ним глазами и снова уткнулся в жетоны. На секунду он коротко, профессионально замер — как кассир, запомнивший клиента.

Там, в темноте, среди ржавых вагонов и стенных надписей на трёх вымерших языках, их ждал старый человек по имени Михаил. У него этих имён было несколько, а знакомых — намного больше двух.

К нему и стоило идти.

С пирожками.

Глава вторая

В которой Михаил берёт двадцать миллионов, а вспоминает отца

Чёрный космопорт официально не существовал.

Городская карта Нью-Москвы, если открыть её на нейровизоре, показывала на этом месте старые, давно закрытые тоннели метро двадцать первого века — со штриховкой «не подлежит обслуживанию» и пометкой «не подлежит обсуждению». На самом деле тоннели обслуживались. На самом деле здесь обслуживалось всё, чего не было в реестрах: контрабандные грузовозы, поддельные документы, переброска людей между планетами под рубрикой «частное лицо», а также те джентльмены, кому в обитаемой Галактике предпочтительнее было не оставлять за собой нумерованных следов.

Лёша и Фима были именно такими джентльменами.

Шли они по узкому коридору между ангарами. Из одного слышалась чужая речь — кто-то торговался на смеси арабского и хинди, явно по поводу веса контейнера. Из другого выкатился робот-уборщик, собранный наполовину из земных, наполовину из марсианских деталей, и проехал мимо них с грустной важностью существа — ему платят за уборку человеческой биографии. Под коротким тоннельным сводом висела голографическая реклама «Эльдорадо-Тур» — экзо-

тические пляжи Глизе-8 за умеренные деньги, бесплатный коктейль при заселении, бессрочное проживание для лиц с определёнными обстоятельствами. Висела она здесь потому, что в открытой Галактике такую рекламу показывать было запрещено.

У входа в третий ангар справа сидел знакомый им мальчишка с жетонами — четверть часа назад они проходили мимо него в тоннеле. Жетоны он уже не считал — теперь он их подбрасывал и ловил, подбрасывал и ловил. На Лёшу и Фиму поднял голову коротко, на одно мгновение. Кому надо, тот понял.

В третьем ангаре справа жил Михаил.

Михаил не был киборгом. Михаил был человек, многое в жизни повидавший. Кое-что из этого он оставил при себе в виде запчастей. Левую руку — после случая на одном из спутников Сатурна. Рассказывать об этом Михаил не любил. Правый глаз — после нехорошей встречи на старой орбитальной станции у Юпитера. Он умел масштабировать в десять раз и читать химический состав на расстоянии вытянутой ладони. Колено — после самой обыкновенной автокатастрофы пятидесятилетней давности. Лет ему было между шестьюдесятью и ста тридцатью, и точно не знали даже соседи.

Он сидел на раскладном стуле возле верстака — там лежали детали какого-то старого антигравитационного блока — и ел сушёную воблу. Воблу настоящую — а это в эпо-

ху Тотального Контроля считалось мелким, но регулярным правонарушением, поскольку такой рыбе полагалось пройти санитарную сертификацию, но в Чёрном космопорте такие процедуры не работали.

Когда Лёша и Фима подошли, Михаил поднял глаза. Сначала левый, обычный человеческий, потом правый, кибернетический. Кибернетический коротко, мягко щёлкнул, и Михаил кивнул сам себе: всё ясно.

— Калькулятор, — сказал он, не вставая. — Станиславский. Сегодня?

— Сегодня, Михаил Сергеевич, — Фима шагнул вперёд первым, и в этом шаге был весь его светский запас.

— Я думал, у тебя ещё неделя есть, Алексей, — Михаил говорил тихо, без осуждения. — Что ускорило события?

— Подсистема, — сухо ответил Лёша. — И сорок миллиардов.

Михаил отложил воблу на тряпку, аккуратно, как кладут визитку.

— Понял. Куда?

— Глизе-8.

Михаил кивнул второй раз и, не глядя на Лёшу, сказал:

— Туда нет открытых рейсов. Туда есть один маршрут. Сегодня вечером с орбитальной площадки уходит «Звезда Востока». Грузовоз. По бумагам везёт удобрения и гидропонику. На деле — людей в крио-трюме. Капитан мой давний знакомый, посадка возможна.

— Цена? — спросил Лёша.

Михаил снял с верстака небольшой голопроектор, шепнул в него что-то на старом торговом жаргоне, подождал двенадцать секунд и прочитал ответ кибернетическим глазом, не вслух.

— Восемнадцать.

— На двоих? — Фима осторожно поднял бровь.

— С одного. Тридцать шесть.

В ангаре стало тихо. По верхнему своду пробежал ремонтный паучок, нудно цокая металлическими лапами.

— Михаил Сергеевич, — Лёша произнёс это тише обычного. — У нас двадцать.

— Знаю. — Михаил посмотрел на него спокойно. — Я считаю быстрее тебя, Калькулятор. Прости за грубость.

— Тогда зачем называть тридцать шесть?

— Чтобы ты задумался, чем отдашь второе место. Кроме денег. Двадцать миллионов — это один. Второе мне нужно как-то закрыть.

Левый глаз, обычный человеческий, на секунду остановился на Лёше с вниманием, с каким старые люди узнают на чужом лице знакомые черты.

— Я знал твоего отца, Алексей. Помнишь, что он мне был должен?

В ангаре стало ещё тише. За стенкой ремонтный паучок прервал бег.

Фима очень тихо отступил на полшага. Не из вежливости

— он умел отступать, когда чужой разговор переставал быть его разговором.

Лёша смотрел на Михаила. Он не помнил, что именно отец был должен Михаилу. Он помнил, что отец что-то был должен — это было главное слово в их с отцом редких разговорах последних лет: должен, всегда должен, никогда не отдавал. Конкретику отец не говорил, и Лёша подозревал, что у таких рамсов хороших ответов не бывает.

— Помню. В общем виде.

— В общем виде, — Михаил кивнул, и в этом было всё.
— Хорошо. Сделаем так. Двадцать сейчас. Второе место я закрываю сам. А ты на Глизе-8 встретишься с одним человеком и передашь ему одну вещь. Имя и вещь получишь от капитана «Звезды Востока» перед погрузкой. Подробностей я тебе сейчас не скажу — будут лишние. Согласен?

Лёша молчал. На один тяжёлый человеческий выдох. Потом коротко кивнул.

— Согласен.

— Без письменного, — добавил Михаил. — Без расписки. Тут ни у кого нет фамилий.

— Знаю.

— Двадцать сюда, — Михаил протянул левую, человеческую, руку.

Фима достал из внутреннего кармана плаща крипто-капсулу размером с ноготь. Достал он её на этот раз без театральных мизансцен. Видно было, что капсулу он принял у

Лёши заранее, ещё в коридоре, и нёс уже как нечто общее. Это был, по сути, первый их с Лёшей жест за это утро — без комментариев.

Михаил взял капсулу, приложил её к разъёму на правой ладони. Капсула моргнула зелёным. Михаил спрятал её в металлическую коробку на верстаке — рядом с тремя такими же.

— Готово. Через два часа сорок минут будете на «Звезде Востока». Подъём с восемнадцатой шахты, ангар «Каспий». Челнок маленький, без удобств, но довезёт.

Михаил снова взял воблу с тряпки и не торопясь надкусил.

— Алексей.

— Да.

— Отец твой был хороший человек. И умный человек. Долг его был не денежный. Это я тебе говорю на дорогу, чтобы ты не думал о нём плохо ещё лишних шесть лет, как думал последние шесть.

Лёша молчал. Молчал он короче, чем в прошлый раз, потому что ответить тут было нечего.

— Спасибо.

— И ещё. Тот мальчик у входа — жетоны ловит. Он мой младший. Если что — обращайтесь. Скажете «от Михаила». Он понимает.

Они вышли из ангара.

Мальчишка с жетонами поднял голову и скользнул по ним

глазами уже без профессиональной паузы — теперь они были не просто клиенты, теперь они были «от папы». На секунду он по-детски ослабился, показав щербинку между передними зубами, и снова уткнулся в игру.

Шахта восемнадцать. Ангар «Каспий».

Челнок и в самом деле был маленький, без удобств — грузовая консервная банка с двумя откидными скамейками вдоль стен. Пилот, пожилой азиат с одной шарнирной ногой и очень узким взглядом, поднял на них глаза, кивнул на скамейки и больше не оборачивался.

Когда двери закрылись и заработали маневровые двигатели, под Лёшей и Фимой загудело сначала металлом, потом мясом — это всегда так бывает на старых челноках с компенсаторами кустарной сборки.

Через четыре минуты они вышли из марева Нью-Москвы. За иллюминатором стало черно. По небу, как капли воды на чёрном стекле, стояли звёзды.

Фима впервые за это утро задышал свободно.

— Лёшенька.

— Да.

— Ты знал, что у Михаила сын одиннадцати лет?

— Не знал.

— Я тоже. И ещё — что у твоего отца с ним такая длинная история.

Лёша смотрел в иллюминатор. Земля удалялась, серая, в смогу, с россыпью красных огней по куполам. Через пятна-

дцать минут она станет точкой. Через два часа — точкой среди других точек.

— Я тоже не знал, Фима. Я о многом не знал.

Он не повернулся к Фиме. Но Фима умел читать спины не хуже лиц и на эту фразу промолчал.

«Звезда Востока» висела в трёхстах километрах над их головами, на стационарной парковке. Через сорок минут они должны были к ней пристыковаться.

Глава третья

В которой Лёша получает имя, конверт и сорок секунд на запоминание

Стыковка прошла грязно.

«Звезда Востока» приняла челнок на левый бок, и трое стыковочных захватов из четырёх сошлись по делу, а четвёртый, заскрипев, повис в воздухе, как поднятая для пощёчины и забытая рука. Челнок дёрнуло, азиат-пилот произнёс короткое слово на родном языке, и в этом слове было то же самое отношение к вещам, какое было утром у Михаила к качеству санитарной сертификации.

— Прибыли, — сказал пилот без выражения. — Не благодарите.

Двери откатились с шипением, ещё более стёртым, чем у двери конспиративной хаты, и в челнок впустило два запаха одновременно: смазку и антисептик, отдающий старой больницей.

«Звезда Востока» официально везла удобрения и гидропонику. На самом деле она везла людей, ещё что-то живое, ещё что-то неживое, и ещё что-то такое, к чему слово «груз» применимо было лишь в том техническом смысле, как его применяют в накладных. По коридору, куда повёл их худой человек в чёрной форме, тянуло холодом — настоящим, не земным.

— Тигран Аркадьевич, — представил себя худой человек на ходу, не оборачиваясь. — Капитан. Михаил Сергеевич меня предупредил. Идём.

Капитану было между семьюдесятью и девяноста, и точно никто бы не сказал. Высокий, прямой, как старый шахматист, доигрывающий партию в восемьдесят семь ходов. Усы небольшие, бородки нет. Один глаз — обычный, тёмно-карий. Другой — кибернетический, того же тёмного оттенка, но с тонким золотым ободком вокруг радужки, словно его обернули в дорогую оправу из ювелирной мастерской на Кишинёвском астероиде. Левая рука сохранна. Правая, видимая из-под рукава, была заменена выше локтя — старый протез военного образца, не модный, не дорогой, но рабочий, как походный нож офицера запаса.

В коридоре стояло сразу несколько человек, занятых своими делами: смуглый мальч в комбинезоне второго ремонтного класса прикручивал что-то к стене и нудно ругался себе под нос на болгарском, пожилая женщина с морщинистым лицом и нейровизором на цепочке вокруг шеи вела по списку накладные, а невысокий мужчина с густыми бровями, в фуражке с золотым кантом, явно офицерской, рассматривал Лёшу и Фиму с тем безразличным интересом, с каким врач в очереди разглядывает следующего пациента.

— Господин в плаще — это Станиславский? — обронил капитан, не оборачиваясь.

— Точно так, — отозвался Фима. — В плаще — это Ста-

ниславский. А в свитере — это Калькулятор.

— Понял. Калькулятор, идёте за мной. Станиславский, идёте за нами. И не задерживайтесь — у нас восемнадцать минут до полного отхода.

Лёша подумал, что капитан этой манерой говорить отличается от Михаила, как сухой осётр от воблы. Михаил говорил, как раскладывал на столе пасьянс. Капитан говорил, как зачитывал боевой устав.

Они прошли мимо отсека — там с тихим жужжанием ехала тележка с двумя продолговатыми ящиками, тоже из тех, чьё содержимое не значилось в накладных. Прошли мимо коротенькой женщины со светлыми волосами и красной нашивкой санитарной службы — она поглядела на Лёшу и Фиму, кивнула и записала что-то в нейровизор. Прошли мимо мужчины в пижамном комплекте с эмблемой «Эльдорадо-Тур» на рукаве — этот вёл сам с собой негромкий разговор о температурном режиме, не поднимая глаз ни на одного из идущих.

В небольшом отсеке, отделённом тонкой дверью с пиктограммой груза, капитан остановился, повернулся и впервые посмотрел Лёше прямо в лицо. Левый глаз, обычный человеческий, задержался на нём на секунду, и в этой секунде была та же оценка, какую утром Лёше дал Михаил. У старых людей этого ремесла, видно, было одинаковое умение — узнавать на чужом лице тонкую черту между любителем и профессионалом.

— Алексей, — сказал капитан. — Михаил Сергеевич отдал мне за вас одну вещь. Слушайте внимательно. Сорок секунд.

В руке у капитана появилось то, что в эпоху Тотального Контроля считалось почти преступлением, — бумажный конверт, плотный, перевязанный тонкой шпагатной нитью. На конверте не было ни адреса, ни имени, ни печати. Только мелкая, аккуратная цифра в правом верхнем углу: семьсот двадцать восемь.

— Этот конверт вы передадите на Глизе-8 одному человеку. Имя — Йован. Йован Стоянович. Профессия — он держит лавку. Лавка называется «У Йована». В третьем квартале Нового Перевала, на восемнадцатой улице. Запомнили?

— Запомнил.

— Скажете: «От Михаила Сергеевича». Йован поймёт. Конверт не вскрывать. Если в дороге, в крио-капсуле, попытается вскрыть, конверт даст сигнал — а это означает, что вместо Йована вас встретят те, у кого таких сигналов в записной книжке десятки. Понятно?

— Понятно.

— На случай, если за два месяца вы во сне сделаетесь умнее обычного и решите его всё-таки вскрыть, добавлю: не поймёте. Понятно?

— Понятно.

— Хороший ответ, — капитан коротко кивнул. — Берите.

Лёша взял конверт двумя пальцами, как берут крошечную

бабочку. Конверт был холодный, твёрдый снаружи, мягкий внутри, и весом — будто пустой. Лёша спрятал его за пазуху, под свитер, к самому сердцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.